

Наталья Васильева¹

**«ЧТО ВЫ ОСОБАЧИЛИСЬ
НА ПЕСНЮ МОЮ?»
(ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ)**

*«Я стою пред миром новым,
руки опустив, страстей своих палач».*

1. «Я в тебя, прекрасная, влюблён...»

Одна партийная дама из руководства страны в советские времена категорически заявила: «В СССР секса нет», — чем рассмешила целый мир. Тем более, что вот он — секс в стихах знаменитого когда-то (в 30-е годы 20-го века) поэта Павла Васильева:

*Под юбки бы... По золочёной коже
Скользить, скользить и родинку найти.
Я знаю: от ступни и до виска
Есть много жилок, и попробуй тронь их —
Сейчас же кровь проступит на ладони,
И сделается тоньше волоска
Твоё дыханье, и сойдёт на нет.
Там так темно, что отовсюду свет,
Как рядом с солнцем может быть темно,
Темно до звёзд, тепло, как в гнёздах птичьих,
И столько радостей, что мудрено постичь их,
И не постичь их тоже мудрено.*

Какими чистыми и высокими словами говорит поэт о любовных ласках. В этих словах мы ощущаем космос — «Как рядом с солнцем может быть темно...»

¹ **Васильева Наталья Павловна** родилась в Омске 10 апреля 1933 года. Почётный член Московской городской организации Союза писателей России, член Российского союза профессиональных литераторов. Дочь, биограф и исследователь творчества выдающегося русского поэта Павла Николаевича Васильева (1910–1937), президент Рязанского Васильевского общества, хранитель семейного архива поэта. Живёт в Рязани.

Павел Васильев

Павел Васильев, конечно, может быть причислен к советским донжуанам, которых недавно называли в телепередаче — актёры: Басов, Ролан Быков, Михаил Казаков, композиторы: Максим Дунаевский и Шаинский. Но беда в том, что поэта не знают: вначале (в 1937-м) он был растерзан полуграмотными недоумками с Лубянки, да так, что даже не дожил до исполнения приговора — расстрелять! А после посмертной реабилитации (в 1956-м) Секретариат союза писателей СССР объявил Павла Васильева нес советским поэтом; о включении его стихов

в школьную программу не могло быть и речи. «Только через мой труп!» — горячился Саша Безыменский. Ему казалось — он прав. Нельзя было назвать советским поэтом Павла Васильева уже потому, что уж очень несовременна была женщина в его любовной лирике — не трактористка, не многостаночница, не комсомолка, а просто красавица — и всё. Васильев воспевае красоту женского тела, при этом раздевая возлюбленную буквально догола: «Чтобы твоё яростное тело с ядрами груди позолотело...» (Из стихотворения «Стихи в честь Натальи»). Странно, но, раздевая, Васильев вовсе не унижает свою избранницу. Напротив, он поднимает её вверх, в небеса, а сам остаётся на земле коленопреклонённым и отсюда, с земли, шлёт ей в небеса славословие. В этом славословии — рыцарство — понятие, чуть было не ушедшее из нашей жизни вместе с дворянской культурой.

«Стихи в честь Натальи», посвящённые блестящей и успешной представительнице московского бомонда Наталье Кончаловской, общепризнаны как васильевский шедевр («В наши окна, щурясь, ...»). Зачем он раздевает героиню? Чтобы показать, что её тело священо, ибо оно создано для любви. Но ведь в те времена женщина скрывала своё прекрасное тело под просторной одеждой, а её «волос могучий перека́т» (по Васильеву) был стянут красной косынкой. Правда, военный коммунизм быстро закончился, но аскетизм и суровость в отношениях остались надолго. Конечно, критики бормотали что-то об излишке женского тела, но разве может быть излишек прекрасного? Напротив, его всегда будет мало, всегда будет не хватать. А вот у Васильева мы постоянно сталкиваемся с прекрасным: следом за интимными подробностями («И алый след от скинутых подвязок») читаем — «Ты тяжела, как золото, легка, как лёгкий пух полузабытых сказок». И это снова красота,

Павел Васильев с Галиной Анучиной.
1932 год

образ. У него царевна-несмеяна — «Девушка со строгими бровями, навсегда готовая простить».

В первый раз Павел Васильев влюбился девятилетним мальчуганом в девушку вдвое старше его — восемнадцатилетнюю Настю Яркову из соседнего подворья. Взрослые ухажёры Насти издевались над Павликом. Мальчик плакал. Эту свою любовь поэт запомнил на всю жизнь. В 1933 году он написал стихотворение «Анастасия»:

*Не смущайся месяцем раскосым, / Пусть глядит через оконный лёд.
Ты надень ботинки с острым носом, / Шаль, которая тебе идёт.
Шаль твоя с тяжёлыми кистями, / Злая кашемирская княжна,
Вытканная вялыми шелками, / Убранная чёрными цветами —
В ней ты засидишься дотемна.*

В 1927-м Васильеву исполнилось 17 лет, и тогда уже другая Настя (сестра его друга — поэтесса Николая Титова) ответила отказом на его ухаживания, заявив, что поэты — народ ненадёжный. В ответ Васильев обругал эту (вторую) Настю в том же стихотворении, нарушив его царственную стройность: «*Но молчишь ты... / Девка расписная, / Дура в лентах, серьгах и шелках!*». Для Васильева было неважно, какое положение в обществе занимает женщина, которую он воспекает. Главное — она восхищает его. Лесная княгиня — Маруся — скорее всего малограмотна, держит притон для контрабандистов, гонит самогон. Всё так. Но как Маруся хороша!

*У тебя ль глазищи сини, / Шитый пояс и серьга,
Для тебя ль, лесной княгини / Даже жизнь не дорога?*

Её любовь заставляет избранника забыть грязь окружающей его жизни и вернуться в юность, где всё было хорошо:

*До пяты распустишь косы / И впершишь глаза во тьму,
И далёкие покосы / Вдруг припомнятся ему.*

Но всё же Настя для Васильева была главней всех Марусь, её именем он назовёт свою Кармен — непредсказуемую и прекрасную, как сама природа:

*...Бесстыдная, ты ароматна так,
Как будто лето в травах пробродила,
Как будто раздевали догола
Тебя сто раз, но всё же не узнали,
Как ты смеёшься, до чего ты зла, —
Да и узнать удастся им едва ли.*

Он упрекает красавицу:

*Проказница, теперь понятно мне...
Ты спуталась уже давно с другими.
Гудящая, как тетива, под ними,
Ты мечешься, безумная, во сне.
Ко мне прижавшись, думаешь о них,
Медовая, крутая, травяная,
И, тяжесть каждого припоминая,
Любого ждёшь, любой тебе жених.*

И всё же он любит «проказницу», несмотря на измены.

*И да простится автору, что он
Подслушивал, как память шепчет это.
Он сам был в Настю по уши влюблён,
В рассвет озябший, в травяное лето,
В кувшин с колодезною темью...*

Поэт протестует против идеологических шор того времени, требующих отказа от любви во имя «счастливого будущего», ради которого он должен предпочесть любимой ударный труд на тракторе: «Я полон уваженья к тракторам, / Они нас за волосы к свету тянут...». Так, ёрничая, он делает выпад против тракторов. Более того, он дерзко заканчивает стихи про «Кармен» новым выпадом уже не против тракторов, а против всей страны:

*Пускай же сын мой будущий прочтёт,
Что здесь, в стране машины и колхоза,
В стране войны — был птичий перелёт,
В моей стране существовали грозы. (Из поэмы «Дорога»)*

В 1929 году Васильев окончательно переехал в Москву, оставив Настю, Марусю и прочих на берегах Иртыша. К слову, тогда он не смел за ними ухаживать — не подросток. Теперь — другое дело: ему девятнадцать лет. И он дарил каждой встречной красавице стихи, не пропуская ни одной. Москвички резко отличались от простолюдинок Прииртышья. У тех — простота и искренность. Эти зачастую притворны и капризны. Те — полуграмотны, эти — образованны, умны. Но и тут Васильев быстро во всём разобрался и принял новые правила игры. Неизвестная Анна уходит от поэта, он пытается её отговорить, но в каждом слове сквозит ирония: с ним ведут игру, и он отвечает тем же. «К портрету...»

*Рыжий волос, весь перевитой, / Пёстрые глаза и юбок ситцы,
Красный волос, наскоро литой, / Юбок ситцы и глаза волчицы.
Ты сейчас уйдёшь. Огни, огни!*

Снег летит. Ты возвратишься, Анна.

*Ну, хотя бы гребень оброни, / Шаль забудь на креслах,
Хоть взгляни / Перед расставанием обманно.*

Прелестна сама женщина, восхищает её гнев, непреклонность и все детали — гребень, шаль... Можно догадаться, что Анна — это Анеля Судакевич, актриса, игравшая главную роль в фильме «Поцелуй Мэри Пикфорд». Об этом сообщает Елена Феликсовна Усиевич моей маме Галине Анучиной в письме 1933 года: «Павел хвалится, что ушёл от Елены (жены) к актрисе Судакевич». Сама Анеля о Павле не желала говорить. Когда её спросили о Павле Васильеве по телефону, она отчеканила: «Я ни-че-го не пом-ню». И положила трубку.

Но Васильева такое отношение не останавливало. Он продолжал рисовать в стихах портреты красавиц — они прекрасны.

*Опять вдвоём, / Но неужели, / Чужих речей вином пьяна,
Ты любишь взрытые постели, / Моя монгольская княжна.*

На этот раз любовь тайная — чужая жена.

*Я целый век готов скитаться
По шатким лесенкам с тобой.*

В поэме «Август» (1932 год) появляется незнакомая героиня:

*Мне ничего не надо — только быть
С тобою рядом и, вскипая силой,
В твоих глазах глаза свои топить —
В воде их чёрной, ветреной и стылой.*

«В воде их чёрной» — значит, девушка черноглазая. Ну, конечно:

*Не ты ль бродила в лиственных лесах,
И появилась предо мной впервые
С подсолнухами, с травами в руках,
С базарным солнцем в чёрных волосах,
Раскрывши юбок крылья холстяные?*

Мы невнимательно читаем Васильева. Вот и составители первых сборников «поправили» поэта: «Дари, дари мне, рыжая, цветы». Когда в стихах явно о чёрных волосах и потому надо: «Дари, дари мне рыжие цветы». (Как было в начальном варианте)

Черноглазая подруга получила от Васильева ещё и стихотворение в том же 1932 году:

*Я тебя, моя забава, / Полюбил, не прекословь!
У меня дурная слава, / У тебя дурная кровь.
Мёд в моих кудрях и пепел, / Ты ж черна, черна, черна!
Я ещё ни разу не пил / Глаз таких — глухих до дна.*

Это, несомненно, — ведьма, сказочно красивая и страстная гулёна: её искусные ласки довели поэта до неистовства, и он вводит в стихи всякую чертовщину и тарабарщину: «Ждёт меня моя родня: / На болотной кочке филлин, / Три совёнка, две сестры...». И даже угрожает: «Заведу и убегу... / Вся округа дует в дудки, / Помогает в ловле мне».

Предположительно, поэма и стихотворение, написанные в 1932 году, посвящены Зинаиде Богдановой, жившей в Москве по Боброву переулку, дом 4, кв. 1, куда Васильев пытался прописаться, но арест в марте 1932 года нарушил его планы.

От Нины Голицыной — первая красавица Москвы — ушёл муж, актёр Борис Ливанов. Нина осталась одна в своей московской квартире. Сразу же к ней стали свататься двое. Она спросила у своего приятеля Алексея Кручёных — кого из двоих выбрать. Кручёных рассказывает: «В неё влюбились двое, и она спрашивала меня, за кого выйти замуж. Ответил, что ни за того, ни за другого, а влюбишься ты в третьего. Он будет тебя бить, а ты ему руки целовать. Я знал, что Павел Васильев неотразим, знал и её характер»². Так и случилось. В 1934 году у Павла Васильева начался роман с этой красивой киноактрисой. Одновременно у по-

² Сергей Шевченко «Будет вам помилование, люди...» Издательство «Елорда», Астана, 1999, с. 130.

эта происходят встречи с Натальей Кончаловской. Его приводит в восторг то, что Наталья — внучка художника Сурикова, и он трубит об этих встречах направо и налево. Чтобы одновременно рассказать о своей любви к Нине (а чувства требовали выхода!), Васильев превращает себя в казахского поэта Мухана Башметова и для вящей убедительности помещает стихи в московском журнале как переводы с казахского. В «Расставании» Мухан бросает вслед уходящей от него русской красавице горькие слова:

*Но отойди, попробуй, попытай-ка,
Я за тебя сгораю со стыда.
Ты пахнешь, как казацкая нагайка,
Как меж племён раздоры и вражда.
Ты оттого на запад повернула,
Подставила другому ветру грудь...
Но я бы стёр глаза свои и скулы,
Лишь для того, чтобы тебя вернуть!*

В другом стихотворении поэт вообще переходит на казахскую манеру письма:

*Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса
И утверждаю, что тебя совсем не было.
Целый день в траве шустрая резвилась коса —
И высокой травы как будто не было.*

Когда Нина, не выдержав васильевского нрава, покинула поэта и, выйдя замуж за итальянца, уехала в Италию, Васильеву было не до шуток. Он оставил казахскую манеру, «убрал» Мухана и написал вслед Нине, не прячась, отчаянное стихотворение «Посвящение Н.Г.»:

*То лёгким, дутым золотом браслета,
То гребнями, то шёлком разогретьм,
То взглядом недоступным и косым
Меня зовёшь и шуришься — знать нечем
Тебе платить годам широкоплечим,
Как только горьким именем моим.
Ты колдовство и папорот Купала
На жемчуга дешёвые сменяла —
Тебе вериг тяжеле не найти.
На поводу у нитки — душегубца
Иди, спеши. Ещё пути найдутся,
А к прошлому затеряны пути.*

Наталья Кончаловская вернулась в Россию из Америки в 1934 году и сразу закружилась в вихре удовольствий. Первое стихотворение ей Васильев написал в марте 1934 года. Оно называлось — «Шутка»:

*Негритянский танец твой хорош,
И идёт тебе берет пунцовый,
И едва ль на улице Садовой
Равную тебе найдёшь...*

Стихи говорят нам о том, что поэт сражён наповал. Уже в мае появляется его «песнь песней» — «Стихи в честь Натальи», где он славит эту потрясающую женщину и даже смеет объясниться ей в любви:

*Я люблю телесный твой избыток, / От бровей широких и сердитых
До ступни, до ногтей люблю, / За ночь обескрылевшие плечи,
Взор и рассудительные речи / И походку важную твою.*

Простим ему самоуверенность тона, тем более, что его надежды на счастье с «некоронованной королевой Москвы» не сбылись. Зато стихи остались в нашем распоряжении, и каждый может насладиться строчками, где Васильев поёт гимн Наталье и в её лице — русской женщине вообще.

*Прогуляться ль выйдешь, дорогая, / Всё в тебе ценя и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ, / Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой: / «По стране красавица идёт».*

Замечательно второе стихотворение из цикла, обращённого к Наталье, — «Горожанка»:

*Горожанка, маков цвет, Наталья,
Я в тебя, прекрасная, влюблён.
Ты не бойся, чтоб нас увидали,
Ты отвесь знакомым на вокзале
Пригородном вежливый поклон.
Пусть смекнут про остальное сами.
Нечего скрывать тебе — почти ж! —
С кем теперь гуляешь вечерами,
Рядом с кем московскими садами
На высоких каблуках идёшь.*

Из каждой строчки на нас смотрит — счастье. Счастлив поэт, счастлива та, что идёт рядом с ним «московскими садами», счастлив город, в котором они оба живут:

*Из стекла и камня вижу стены,
Парками теснясь, идёт народ.
Вслед смеюсь и славлю вдохновенно
Ход подземный метрополитена
И высоких бомбовозов ход.
Дождь идёт. Недолгий, крупный, ранний.
Благодать! Противиться нет сил!
Вот он вырос, город всех мечтаний,
Вот он встал, ребёнок всех восстаний, —
Сердце навсегда моё прельстил!*

Праздник кончился в один миг — на центральной полосе столичных газет 14 июня 1934 года появилась статья М. Горького «Литературные забавы» (в Ленинграде — «О литературных забавах»). Цитируем главное: «Жалуются, что поэт Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин». И зловещая фраза в конце абзаца: «...от хулиганства до фашизма расстояние “короче воробьиного носа”». Всё было кончено. Васильева перестали печатать — он превратился в изгоя. Разумной Наталье изгой был не нужен, и она переключилась на васильевского приятеля, который темнью маячил за спиной поэта, глядя на Наталью влюблёнными глазами. Васильев взбесился и дал ей пощёчину. Об этом сама Наталья Петровна пишет в своих воспоминаниях. Разумеется, у неё своя версия: «Я была в ударе, танцевала, шутила, пила шампанское, и вдруг Павел <...> почему-то пришёл в бешеную ярость. То ли выпил лишнего, то ли взяла его досада на мою “неприступность”, но он вдруг с размаху ударил меня и с перекошенным побелевшим лицом выбежал из квартиры...»³ После Васильев долго просил прощения, стоял на коленях перед дверью квартиры, где жила Наталья, — но всё напрасно. Дружбе пришёл конец. Однако, судя по последнему (пятому по счёту) стихотворению, обращённому к Наталье («Послание к Наталии»), Васильев быстро успокоился:

*Ты, если вспомнить, говорила, / Что время сердцу отдых дать,
Чтобы моя крутая сила / Твоей красе была под стать.
Вот почему под небом низким / Пью в честь широких глаз твоих
Кумыс из чашек круговых...*

И поэт прощается с Натальей, не держа на неё зла:

*Я шлю приветы издалёка, / Я пожеланья шлю... Ну что ж?
Будь здорова и краснощёка, / Ходи стройней, гляди высоко,
Как та страна, где ты живёшь.*

³ Воспоминания о Павле Васильеве. Алма-Ата, «Жазушы», 1989, с. 260.

Загадкой является четвёртое стихотворение (из пяти) в честь Натальи — «Клятва на чаше». Самые умницы из нас пытаются разгадать вот эти слова:

*Я стою пред миром новым, руки / Опустив, страстей своих палач,
Не познавший песни и науки. / Позади — смятенье и разлуки,
Хрип отцовский, материнский плач.
Впереди, с отставшим не считаюсь,
Часовые заняли места. / Солнце косо вылетит. Шатаюсь,
Гибельная рухнет чернота.*

Я думаю: не понимаем мы этих строчек оттого, что воспринимаем Павла Васильева как беззаботного весёлого молодого человека, постоянно смеющегося и постоянно в кого-то влюблённого. А ведь он страдал. Поэта мучило всеобщее неприятие его стихов. В «Раненой песне» Васильев спрашивает: «Что вы особачились на песню мою?». И заявляет: «Я хочу ходить в советских полках...». И это не пустые слова. Он всё бы отдал за то, чтобы общество и власть приняли его стихи и считали поэта за своего. А его называли врагом. И о репрессиях он здесь пишет: «Часовые заняли места...». И выражает надежду на то, что всё же его поймут и ему поверят: «Гибельная рухнет чернота». И откровенно слабые строчки в последующей строфе («Так смелей сомнения разрушу...») говорят нам о том, что он думает, как добиться успеха, но эти строчки только портят стихотворение, ничего у поэта не получилось! Тогда, в 30-х...

Но сейчас появилась надежда. Нина Викторовна Попова в предисловии к книге «Крестьянские заступники» (Москва, «Академия поэзии», 2021 г., с. 10–11) пишет: «Павла Васильева можно назвать поэтом-первопроходцем, с одной стороны, сконцентрировавшим в своём творчестве опыт прежних поколений, с другой — сформулировавшим совсем новый опыт».

Валерий Фёдорович Михайлов (Алматы)⁴ объясняет, почему в 30-х годах и долгое время потом Павел Васильев не был понят читателем: «Поэма «Христолюбовские ситцы» — последняя попытка примирить непримиримое: вольный природный дар и хомут самого «передового литературного метода». Тогда, в 30-е, никто ничего не понял, и, в первую очередь, сам поэт. Он умер «врагом».

Продолжение следует

⁴ Поэма о Павле Васильеве. К 100-летию поэта. // «Академия поэзии», 2009, с. 104.